

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И В САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ЧТЕНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

УДК 372.8821.161.1:371.321. DOI 10.26170/ФК20-01-19. ББК Ч426.839(=411.2)-270. ГРНТИ 14.25.07.
Код ВАК 13.00.02

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

MODERN PROSE AT LITERATURE LESSONS AND IN INDEPENDENT READING OF SENIOR SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Abstract. The article deals with an actively debated issue of the role and place of modern literature in the reading activity of a senior secondary school student. Should we include it in the school curriculum, or should it be an extracurricular activity performed by students in their free time? If we choose to study it in classroom, how can we include works of modern authors in the real school curriculum? The analysis of research works devoted to the formation of the reading scope of senior schoolchildren shows that, on the one hand, modern teenagers display inadequate knowledge of contemporary literature and poor ability to orient in this realm, and, on the other hand, they express a desire to go beyond the school course of literature (Russian classics) and to read books written by contemporary authors. The need for high quality contemporary literature comes from intelligent and creatively thinking schoolchildren, and the teacher is to meet these demands. Short prose by contemporary authors suitable for senior secondary school students can be suggested for home reading and classroom study. The article outlines possible scenarios of discussion of short stories by D. Novikov ("A Fly in Amber" and "The Truth of the Water"), E. Vodolazkin ("A Completely Different Time"), and M. Shishkin ("The Rumbling Ceased..."). These short stories are accessible to teenagers as the narration focuses on the characters' (or author's) childhood or youth. The works of these authors are written in the traditions of the Russian classics (the article gives a detailed description of Bunin's themes and motives in the prose by Novikov and Vodolazkin and Pasternak's pretexts in the short story by Shishkin) – and this makes it possible to discuss the syllabus literary material to demonstrate various multilevel relations between texts of different epochs and to bridge the gap between "classics" and "contemporaries" in the minds of senior secondary school students.

Keywords: modern literature; methods of teaching literature at school; methods of teaching literature; scope of reading; senior schoolchildren; USE; unified state examination; preparation for exams; Russian literature; Russian writers.

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению активно обсуждающихся в профессиональном учительском сообществе вопросов: какое место в круге чтения современного школьника занимает современная литература? Нужно ли ее изучать на уроках или она должна оставаться досуговым чтением? Если нужно, то как включить произведения современных авторов в реальный учебный процесс? Анализ исследований, посвященных формированию круга чтения старшеклассников, показывает, с одной стороны, недостаточно хорошее знание школьниками современной литературы, не очень уверенную ориентацию в сегодняшнем литературном пространстве, а с другой стороны, их активное стремление выходить за пределы программного изучения литературы и не ограничиваться только хрестоматийными текстами. Запрос от умных, хорошо подготовленных и творчески мыслящих старшеклассников на качественную современную литературу есть, и учителю необходимо на этот запрос ответить. Для рассмотрения на уроках или для домашнего чтения можно предложить короткую прозу современных авторов, которая доступна для восприятия старшеклассников. В статье показаны возможные пути обсуждения рассказов Дмитрия Новикова («Муха в янтаре» и «Правда воды»), Евгения Водолазкина («Совсем другое время») и Михаила Шишкина («Гул затих...»). Произведения этих авторов наследуют классике (подробно рассматриваются бунинские мотивы и элементы поэтики в прозе Д. Новикова и Е. Водолазкина, пастернаковские претексты в рассказе М. Шишкина) – и это позволяет актуализировать в обсуждении программный литератур-

ный материал, показать разнообразные и многоплановые связи текстов разных эпох и снять противоположенность в сознании старшеклассников «классиков» и «современников».

Ключевые слова: современная литература; методика литературы в школе; методика преподавания литературы; круг чтения; старшеклассники; ЕГЭ; единый государственный экзамен; подготовка к экзаменам; русская литература; русские писатели.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Современная проза на уроках литературы и в самостоятельном чтении старшеклассников / Т. Г. Кучина. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 195–202. – DOI: 10.26170/FK20-01-19.

For citation: Kuchina, T. G. (2020). Modern Prose at Literature Lessons and in Independent Reading of Senior Secondary School Students. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 195–202. DOI: 10.26170/FK20-01-19.

Как и какую современную литературу изучать в школе? Как встроить уроки по произведениям современных авторов в перегруженную школьную программу? В конечном итоге, нужна ли современная литература в программном изучении – или школьное образование должно базироваться на классических образцах, а книги писателей-современников могут составлять самостоятельное (досуговое) чтение?

Диапазон ответов на эти вопросы оказывается весьма широк. Один полюс вполне отчетливо вырисовывается в аналитических отчетах, подготовленных в ФИПИ на основе результатов ЕГЭ по литературе. Позиция разработчиков заданий, отслеживающих показатели их выполнения, формулируется следующим образом: «Анализ результатов позволяет сделать однозначный вывод о том, что современная литература не входит в круг чтения школьников (курсив наш. – Т. К.), о чем красноречиво говорят такие цифры: средний процент выполнения по критерию „Обоснованность привлечения текста произведения“ составляет 34,9 (только 9,4% участников экзамена получили по этому критерию 3 балла, тогда как 0 баллов были оценены 37,4%). Нужно отметить, что собственно к произведениям современной литературы выпускники обращались очень редко» [Зинин 2017: 10]. Мы бы, пожалуй, указали на одну проблемную зону в этом заключении: означает ли прагматический экзаменационный выбор надежной, проверенной классики с устоявшимися интерпретациями вместо «рискованной» современной литературы, где личное мнение

может быть «не засчитано» и, соответственно, не конвертировано в необходимые выпускнику баллы, что старшеклассники совсем не интересуются книгами писателей-современников? ЕГЭ по литературе сдают около 5% выпускников, и если они редко выбирали (в стрессовой и крайне ответственной ситуации) современную литературу, указывает ли это на то, что остальные 95% ее вообще не читают?

Подчеркнем, однако, что с 2018 года в кодификаторе ЕГЭ по литературе появился новый раздел – «Из литературы второй половины XX в. – начала XXI в.», и это – показатель того, что произведения последних лет «легитимизированы» в экзаменационных материалах, а опасения в их художественной несостоятельности преодолены. На наш взгляд, это очень значимый и позитивный шаг в совершенствовании модели единого экзамена по литературе.

На научно-практической конференции «Педагогика текста» (она прошла в Санкт-Петербурге в рамках VI Международного культурного форума в ноябре 2017 года) к рассмотрению вопроса о месте современной литературы в читательском опыте школьников были предложены иные подходы. Во-первых, на основе различных технологий анкетирования и опросов, проведения публичных дискуссий определялись читательские приоритеты подростков. Мы обратимся лишь к выводам, к которым пришли исследователи – Т. Г. Галактионова и Ю. Л. Мокшина: «Подросткам был задан вопрос: „Нужно ли изучать современную литературу в школе, или школьное литератур-

ное образование должно ограничиться классическими образцами?» 48% респондентов считают, что современную литературу нужно изучать в школе; 45% полагают, что современную литературу, вероятно, нужно изучать в школе; 7% думают, что школьное литературное образование, вероятнее всего, должно ограничиться изучением только классической литературы» [Галактионова, Мокшина 2017: 21].

Во-вторых, слово – как докладчики и как авторы небольших статей – получили на конференции и сами школьники. Это были не рядовые старшеклассники, а участники программы «Литературное творчество» образовательного центра «Сириус» (творческие и талантливые школьники съезжаются в Сочи со всей России, предварительно пройдя очень серьезный конкурсный отбор). Но свои микроисследования они проводили среди обычных учащихся школ, свое мнение формулировали как обычные читатели и старались учесть те суждения о современной литературе, которые бытуют среди подростков. И вот какая картина складывается из высказываний 11-классников: «Когда заходит речь о школьных уроках литературы, представляются толстые тома русских классиков, покрытые пылью веков. Никто не спорит, классику изучать необходимо, но жизнь не стоит на месте, и людям, живущим сегодня, гораздо интереснее читать о своих современниках, нежели о героях двухсотлетней давности» [Сорокин 2017: 86–87]. И еще одно показательное суждение другого выпускника: «Будут ли уроки современной литературы мешать изучению классики в школьной программе? Ответ для меня очевиден – нет <...> мы нуждаемся в том, чтобы современная литература изучалась в школе. Это, несомненно, принесёт значительную пользу» [Ковалев 2017: 71].

Опросы, проведенные самими школьниками, показывают, что около 70% участвовавших в них старшеклассников самостоятельно, вне уроков, читают современную литературу. И эти данные отчасти коррелируют с теми исследованиями, которые выполнены в рамках подготовки «Концепции возрождения отечественной традиции детского чтения» (2017). Вот лишь одна из позиций, получивших отражение в этом документе: «Складывавшийся

на протяжении XIX–XX вв. канон детской литературы, включавшей в себя произведения как русских писателей (например, С. Аксакова, А. Толстого, В. Каверина, К. Паустовского, Л. Кассиля, К. Булычева, А. Волкова и др.), так и зарубежных авторов (Г. Х. Андерсена, Л. Ф. Баума, Ч. Диккенса, Р. Киплинга, Дж. Ф. Купера, Р. Л. Стивенсона, С. Лагерлёф, А. Линдгрена, Дж. Родари и др.), сегодня разрушается: дети предпочитают другие произведения, созданные уже в иную эпоху. В значительной мере это трансформация жанровая: неоднократно отмечался интерес современных детей к фантастике и особенно фэнтези» [Арзамасцева 2017: 17]. Очевидно, что выбор жанров говорит сам за себя: фэнтези, да и основной массив фантастики – это прежде всего произведения нескольких последних десятилетий.

Интенсивное (и вполне доверительное) общение со школьниками на лекционных занятиях и в литературных мастерских в образовательном центре «Сириус», проведение разборов заданий и мастер-классов для участников заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе, открытые лекции для учащихся старших классов и студентов в разных городах России (Ярославль, Москва, Челябинск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Томск, Санкт-Петербург) убеждают нас в том, что с их стороны запрос на качественную современную литературу определенно есть – равно как и умение достаточно глубоко ее понимать и интерпретировать. Однако есть и дефицит источников информации о такой литературе. Или, точнее, так: самих источников достаточно (и профессионалам они хорошо известны) – а вот школьники знают о них мало, пользоваться регулярно не привыкли. При этом вопрос «что бы почитать?» не теряет своей остроты – особенно когда дело касается небольших по объему произведений, на внеурочное чтение которых старшеклассник может найти свободное время.

Сложность выбора небольших текстов определяется целым рядом обстоятельств. Практически все современные премиальные списки («Большой книги», «Нацбеста», «НОСа», раньше – «Русского Букера») включают в себя романы (и лишь иногда – сборники

рассказов без выделения каких-то конкретных произведений). Кроме того, в разнообразных сетевых литературных обзорах попадают, как правило, тоже романы или книги нон-фикшн – а отдельные рассказы или иные короткие тексты обычно остаются вне поля зрения рецензентов. Журнальная критика давно не предназначена для широкого читателя и все больше становится «файлообменником» для узких специалистов.

При этом в любую эпоху чтение произведений современников неизбежно требует способности самостоятельно отличать настоящую литературу от конъюнктурных текстов, хорошую беллетристику от литературных суррогатов, а главное – умения самому задать себе те вопросы, которые обозначают ориентиры для интерпретации произведения. На каком литературном материале можно учить этому школьников? Мы предлагаем несколько коротких произведений современных авторов, которые, не перегружая выпускников освоением большого объема текста, позволяют составить представление о некоторых именах и тенденциях новейшей русской прозы.

Рассказы современного карельского прозаика Дмитрия Новикова мы бы рекомендовали брать после изучения творчества Бунина: интенсивность сенсорных реакций, поиск «сочетанья прекрасного и вечного», экзистенциальные «точки экстремума», удерживаемые памятью и вносящие осмысленность в рутинное существование, – отчетливые приметы следования бунинской традиции в прозе Д. Новикова. Как верно указывает Евгений Ермолин, «Новиков отбрасывает прочь мусор повседневного существования и ценит в жизни только звездные миги, кульминации бытия: моменты, когда человек ощущает ни с чем не сравнимую его полноту» [Ермолин 2004].

Рассказ «Муха в янтаре» – о неподдельном и продленном в вечность переживании счастья. Эмблемой его становится муха, увязшая в терпкой смоле: сладкое замирание чревато смертью – но для мухи смерти нет, она впадает в неподвижность под воздействием анестезии счастья. Янтарная смола – это такой «консервант» времени, который переводит «сейчас» в «навсегда»: отсюда – «...выражение неосознанного счастья на мушином лице, по-

тому что в последний момент всегда появляется знание – смерти нет, а есть лишь окружающий тебя, невыразимо прекрасный мир, и ты в нем пребудешь вовеки» [Новиков 2003: 8]. Д. Новиков умеет увидеть в счастье – печаль и хрупкость, а в восторге – гибельность.

Сюжетная же канва рассказа предельно проста и нарочито оставлена без финальной опорной точки: пять матросов и лейтенант по кличке Мерин высаживаются на берег, чтобы получить на складе «имущество для медицинской службы»; в финале склад еще не открылся с обеда, матросы идут по степи – и где-то вдалеке видна маленькая фигурка Мерина, которая комично подпрыгивает, размахивает руками и кричит что-то злобное. Все главное случается вне этой событийной схемы. Сначала матросы купят копченой тюльки с портвейном – и с этого момента вкус маслянистой рыбешки, черняшки и крымского белого на всю жизнь станет вкусом необъяснимого счастья; потом отправятся к морю – и ощущение проходящего сквозь тело солнца и ветра впервые в их опыте соединится с подлинным переживанием Времени, которое несет в себе «частички бытия» всех тех, кто когда-то проходил по этой степи – скифских всадников, римских воинов, солдат Второй мировой – и вот теперь их самих. И сознание вдруг уловит токи бесконечной жизни, которые пронизывают все сущее. «„Нет смерти, нет“, – стрекотали кузнечики. „Нет времени, ничто никуда не несется“, – вторили им раскаленные, струящие жар камни» [Новиков 2003: 9].

Абсолютное и иррациональное переживание счастья, обрушившегося на героев, не поддается повторению. Спустя годы один в непонятной задумчивости на семейных выездах вместо шашлыков будет поедать тюльку в томатном соусе, другой школьными акварельными красками рисовать степные пейзажи, третий, превратившись в бомжа, среди соратников будет осуждаться за барскую привычку пить белый крымский портвейн, едва появляются деньги. Но вернуть раз возникшее ощущение бессмертия и бесконечности бытия не получается – все чего-то недостает. И лишь одному из пятерых удастся достичь для остальных невозможного: в памяти Пеки в момент самоубийства «вдруг всплыл яркий

солнечный отпечаток обычного летнего дня, похожий на доисторическую муху, застывшую в куске янтаря с блестящими от счастья последнего знания глазами – смерти нет» [Новиков 2003: 14]. Он единственный из героев, кто в точке соприкосновения жизни и смерти полностью сумел повторить то, что пережил в юности, – и вернулся в совершенное, беспримесное счастье.

Старшеклассники, с которыми мы разбирали рассказ, глубоко прочитывали и его символику (образ мухи в янтаре), и авторскую концепцию времени, и характеры персонажей – словом, можно утверждать, что он вполне посилен для 11-классников и может быть рекомендован как для самостоятельного чтения, так и для изучения на уроке внеклассного чтения.

Другой рассказ Дмитрия Новикова – «Правда воды» (1997) – это история о подобном же озарении, о возможности словом прикоснуться к себе настоящему – но еще и о том, как такие счастливые открытия становятся путем к гибели. Заранее заготовленная героем «Правды воды» фраза для начала то ли повести, то ли рассказа («Меня убил немецкий автоматчик. Его глупая пуля глухо тукнула в мою грудь, и я упал на спину без боли, лишь неприятен был парной язык его овчарки, когда она жарко слизнула кровь, плеснувшую у меня изо рта...» [Новиков [http](http://)]), кажется подлинной писательской находкой (по формальным параметрам она действительно неплоха – аллитерационно-ассонансный ряд с повторами «Г», «л/р», «п», «у» во втором предложении, парадоксальность завязки, сюрреалистичность атмосферы при правдоподобию частных деталей, тактильная проработанность описания). Но при этом оборачивается началом конца. Повествование у героя – начинающего писателя, впервые решившегося засесть за печатную машинку, – никак не идет, но зато наплывают воспоминания о детстве, о бабушке и о том, как она отливала кипятком примерзший к железным перилам язык. С детализированного воспоминания и начинается подлинная литература – но заканчивается жизнь Виктора: его убивают в короткой стычке у прилавка деревенского магазина.

Бунинская плотность деталей, пластичность и рельефность воспоминания, осязаемость движения времени и его прозрачная многослойность, сосредоточенность автора на соотношении персональной, частной истории и истории всеобщей – это и черты прозы Евгения Водолазкина, а показать их можно на примере рассказа «Совсем другое время». «Детское время – совершенно особое, оно не похоже на взрослое. Это совсем другое время. Оно... почти не время еще, в нем нет главного свойства времени – необратимости» [Водолазкин 2017: 467–468]. В этом детском Раю нет часов: когда конечность отпущенного человеку срока еще не осознается, в них просто нет необходимости. Зато символична в рассказе связь первого воспоминания с часами в перевязочной ожогового отделения, куда автобиографический герой попадает в полтора года: память (начальная фраза рассказа – «Мое первое воспоминание...») и время (продолжение фразы – «настенные часы в перевязочной») в своей вечной «дружбе-вражде» оказываются нераздельны.

Детская память отличается тем, что в ней события не привязаны к конкретным датам, их легко переставить местами и даже иногда поменять в них участников. Линейность хронологии – это особенность того времени, которое, говоря словами И. Бродского, создано смертью. В прозе же Е. Водолазкина будущее может просвечивать сквозь настоящее или являться «водяными знаками» в уже прошедшем – нужно лишь уметь их опознавать и правильно прочитывать. Те же мотивы являются определяющими в поэтике «Лавра»: его героям дано, например, увидеть смерть еще продолжающего жить человека. Так будущее входит на территорию настоящего и стирает все условные засечки времени. Вот лишь один пример: Арсений с другом Амброджо отправляются в Иерусалим, однако итальянцу не суждено будет дойти до цели – он погибнет от меча мамлюка. Но смерть его Арсений увидит тогда, когда меч еще и не занесен, а Амброджо еще находится рядом: его отрубленную голову Арсений видит на земле, пока мамлюки обыскивают даже не сопротивляющегося итальянца. Он же в момент гибели видит, как в Петербурге на колокольню Петропавловского собора опускается ан-

гел с крестом – и видение это преодолевает толщу еще не прошедших столетий. Будущее невидимыми нитями пронизывает ткань настоящего, оно существует всегда; «проявленные» же узоры времени человек склонен называть судьбой или историей.

Другой сюжетный ход, найденный в рассказе «Совсем другое время», Е. Водолазкин использует затем и в финале романа «Авиатор»: время, как киноплёнка, отмотано назад – и в рассказе вот-вот возвратятся к жизни прежние знакомые, утонувший в море совок медленно втянется в ведро с песком, а в «Авиаторе» к статуэтке Фемиды вернутся отломанные весы, а бабушка будет вновь читать маленькому Иннокентию «Робинзона Крузо».

Из совсем недавних произведений интересно было бы обратиться к рассказу Михаила Шишкина «Гул затих...», написанному в 2016 году (он был предложен для рассмотрения 11-классникам на творческом туре заключительного этапа олимпиады по литературе в 2017 году, и справились с ним школьники весьма успешно; подробный разбор рассказа дается нами в статье [Кучина 2018]). Ключевые слова в нем – жизнь, смерть, поэзия, бессмертие. В рассказе реализован характерный для прозы М. Шишкина фабульный ход смерти-воскрешения-повторной смерти: герой-повествователь вызван с военных сборов на похороны деда – а дед на самом деле умер задолго до того и теперь ненадолго «воскрес», чтобы немедленно уйти из жизни снова. Побочными побегами этого же сюжета являются две взаимосвязанные мотивные схемы: первая отсылает к Пастернаку – и через его стихотворения «Гефсиманский сад» и «Гамлет» («Гамлет» упоминается в связи с ролью Владимира Высоцкого в театре на Таганке) к Иисусу Христу, вторая – к первой жене деда. Тематически они, разумеется, не имеют между собой ничего общего – зато в их «рифме» отчетливее проступают важнейшие авторские коннотации жизни и смерти, бытия и небытия. Настоящее открытие поэзии приходит к герою-повествователю с пониманием того, что Пастернак написал в «Гефсиманском саде» о себе самом (размышляет герой-повествователь о следующих строках стихотворения: «Я в гроб сойду и в третий день восстану. / И,

как сплавляют по реке плоты, / Ко Мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты» [Пастернак 2015: 1252]): «Это он сошел в гроб, а потом восстал. Мы же ездили к нему в Переделкино на кладбище, и я знал, что там, под камнем, его не было. Вот рядом кладбище старых большевиков – там все шеренгами лежали на месте, где положили» [Шишкин 2017: 257]. Пастернак же – везде: в морозном московском воздухе, в съеденном беляше, от которого началась резь в животе, в промозглых пятиэтажках и висящих над ними звездах. Эхом это освобождение из-под могильного камня откликнется в эпизоде похорон деда: его положили в могилу жены – но ее самой там не оказалось (из объясняющих обстоятельств – возможное смещение памятника и ограды в связи с новыми захоронениями на старом кладбище). Смерть в художественной реальности Михаила Шишкина во все необязательно означает завершение, достижение конечной точки пути – она дарует особую свободу: быть везде, всегда, всем – и со всеми сразу. И перед этой свободой оказываются равны все – и Пастернак, и бабушка героя: формула «смертью смерть поправ» со времен воскресения Иисуса относится ко всем.

А вот времени, созданному смертью, оставлены у Михаила Шишкина лишь те три дня, что прошли между распятием и воскресением – когда не было Христа с человеком. Впрочем, в композиционной структуре рассказа «Гул затих...» и этим во тьме пребывающим трем дням находится сюжетная рифма – опрокидывающая и отменяющая их безнадежный смысл: именно три дня любви дарит герою-повествователю вторая смерть деда. Телеграмма прислана любимой девушкой, и вся самая важная информация передана в ней окказиональным шифром: текст «Миша дедушка умер похороны срочно приезжай мама» следует читать так: ты прощен, любим, я жду тебя. И вот эти три дня любви «будут длиться и никогда не кончатся, и пальцы, укрощая дрожь электрички, выводят: я есмь» [Шишкин 2017: 279]. Связь и соотнесенность жизни и смерти в метафорических аналогиях Михаила Шишкина – это и есть движение пера по бумаге: друг без друга они не смогут выполнить свое назначение – но для каждой новой фразы нужно оторвать перо от листа.

На основе даже краткого обзора малой прозы отчетливо видны общие значимые тенденции, характеризующие творчество современных авторов: приоритетность частного существования, личной истории перед историей всеобщей; интерес к тем приемам поэтической техники, которые позволяют создать эффект просвечивания разных слоев времени друг сквозь друга; интерес к работе механизмов памяти и воображения, определяющих

структуру человеческой личности. И важно, что все эти черты не противопоставляют современную литературу классике, а наоборот, позволяют соотносить с ней, видеть, как ее важнейшие темы и мотивы осмысляются современной культурой, как встраиваются в новые контексты. Понимание этого взаимодействия обогатит и восприятие школьниками хрестоматийных программных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Арзамасцева, И. Н. Концепция возрождения отечественной традиции детского чтения / И. Н. Арзамасцева, И. В. Баданина, Г. Ю. Богданович [и др.]; науч. ред.: проф., член-корр. РАО Т. В. Кортава. – Москва: Издательство Московского университета, 2017. – 143 с.

Водолазкин, Е. Г. Совсем другое время / Е. Г. Водолазкин. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. – 477 с.

Галактионова, Т. Г. Размышления старшеклассников о современной литературе / Т. Г. Галактионова, Ю. Л. Мокшина // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 20–21.

Зинин, С. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по литературе / С. А. Зинин, Л. В. Новикова, Л. Н. Гороховская. – URL: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1513063790/literatura_2017_red._12.12.2017.pdf (дата обращения: 17.06.2019). – Текст: электронный.

Книжная полка Евгения Ермолина. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2004_4/Content/Publication6_2927/Default.aspx (дата обращения: 17.12.2019). – Текст: электронный.

Ковалев, Б. К вопросу о необходимости массового изучения современной литературы / Б. Ковалев // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 71–73.

Кучина, Т. Г. «Город мертвых, где все живы»: о контекстной синонимии «жизни» и «смерти» в прозе Михаила Шишкина / Т. Г. Кучина // *Slavica Wratislavinica*, 167. Wielkie tematy kultury w literaturach slawiańskich 13. Tanatos 1. – Wrocław 2018. – С. 555–564.

Новиков, Д. Г. Муха в янтаре / Д. Г. Новиков. – Санкт-Петербург: Геликон + Амфора, 2003. – 211 с.

Новиков, Д. Г. Правда воды / Д. Г. Новиков. – URL: <http://bonread.ru/dmitriy-novikov-kompleks-polnocennosti.html> (дата обращения: 17.12.2019). – Текст: электронный.

Пастернак, Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / Б. Л. Пастернак. – Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2015. – 1279 с.

Сорокин, Н. Где более уместен современный литературный контент: в программе, учебнике, на уроках или же в рамках факультатива, во время внешкольных или самостоятельных занятий? / Н. Сорокин // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 86–88.

Шишкин, М. П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе / М. П. Шишкин. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. – 318 с.

REFERENCES

Galaktionova, T. G., Mokshina, Yu. L. (2018). Razmyshleniya starsheklassnikov o sovremennoi literature [Teens' Reflections on Contemporary Literature]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyy literaturnyy potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 20–21.

Knizhnaya polka Evgeniya Ermolina [The Bookshelf of Eugene Ermolin]. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2004_4/Content/Publication6_2927/Default.aspx (mode of access: 17.12.2019).

Kortava, T. V. (Ed.). (2017). *Kontseptsiya vrozhdeniya otechestvennoi traditsii detskogo chteniya* [The Concept of the Revival of the Domestic Tradition of Children's Reading]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 143 p.

Kovalev, B. (2018). K voprosu o neobkhodimosti massovogo izucheniya sovremennoi literatury [On the Issue of Necessity of Mass Study of Modern Literature]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyyi literaturnyi potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 71–73.

Kuchina, T. G. (2018). «Gorod mertvykh, gde vse zhivy»: o kontekstnoi sinonimii «zhizni» i «smerti» v proze Mikhaila Shishkina [“The City of the Dead Where Everyone is Alive”: Contextual Synonymy of *Life* and *Death* in the Prose of Mikhail Shishkin]. In *Slavica Wratislavinia*, 167. *Wielkie tematy kultury w literaturach slowiańskich 13. Tanatos 1*, pp. 555–564.

Novikov, D. G. (2003). *Mukha v yantare* [Amber Fly]. Saint Petersburg, Gelikon + Amfora. 211 p.

Novikov, D. G. *Pravda vođy* [The Truth of the Water]. URL: <http://bonread.ru/dmitriy-novikov-kompleks-polnocnosti.html> (mode of access: 17.12.2019).

Pasternak, B. L. (2015). *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume]. Moscow, ALFA-KNIGA. 1279 p.

Shishkin, M. P. (2017). *Pal'to s khlyastikom: korotkaya proza, esse* [Coat with a Whip: Short Prose, Essay]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 318 p.

Sorokin, N. (2018). Gde bolee umesten sovremennyyi literaturnyi kontent: v programme, uchebnike, na urokakh ili zhe v ramkakh fakul'tativa, vo vremya vneshkol'nykh ili samostoyatel'nykh zanyatii? [Where is Modern Literary Content in More Appropriate: in the Program, in the Textbook, in the Classroom or as a Part of an Elective, During after School Hours or Individual Study?]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyyi literaturnyi potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 86–88.

Vodolazkin, E. G. (2017). *Sovsem drugoe vremya* [A Completely Different Time]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 477 p.

Zinin, S. A., Novikova, L. V., Gorokhovskaya, L. N. *Metodicheskie rekomendatsii dlya uchitelei, podgotovlennye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGE 2017 goda po literature* [Guidelines for Teachers, Prepared on the Basis of the Analysis of Typical Errors of Participants in the Exam in 2017 in Literature]. URL: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1513063790/literatura_2017_red._12.12.2017.pdf (mode of access: 17.06.2019).

Данные об авторе

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennadevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).